

Полковник Гуров

Николай Леонов

Закулисные интриги

«Научная книга»

Леонов Н. И.

Закулисные интриги / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
— (Полковник Гуров)

«... Громкие звуки по-прежнему разрывали тишину огромного дома. Брызгунов размахнулся и со всей силы запустил пультом дистанционного управления в телевизор. Гладкая, как зеркало, поверхность экрана треснула, и мельтешение кадров сменила зернистая рябь. Музыка не прекращалась. Министр отшвырнул сигарету на пол, затушил ее ступней, покрутившись на ней пяткой. Затем подскочил к розетке и выдернул шнур. Ударив сжатой в кулак свободной кистью по колонке, он опрокинул ее на ковер. Несколько секунд Аркадий Михайлович стоял неподвижно с проводом в руке, привыкая к давящей тишине загородного дома. Через минуту он спокойно опустил шнур на пол, отошел от розетки и взглянул на телевизор. Поверхность потемнела, а крупные черные трещины выделялись на глади экрана. ...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Николай Леонов, Алексей Макеев

Закулисные интриги

Глава 1

Неделя обещала быть напряженной. Гуров давно заметил, что, если утро понедельника начинается со звонка начальства и срочного вызова на работу, хороших новостей не жди. А если этот понедельник совпал, как сегодня, с началом месяца и ты должен немедленно выехать на место преступления, то дело будет не просто запутанным и сложным, а архисложным. Подъезжая к театру, он увидел, как по аллее по направлению к центральному входу неспешно идет Крячко. Старший уполномоченный по особо важным делам припарковал свой старенький «Пежо», который уже давно не соответствовал его солидной должности, рядом с машиной из отдела. За рулем мирно спал водитель. Гуров не стал его будить. Во-первых, водитель работал недавно в управлении, и Гуров даже не помнил его имени, чтобы окликнуть, а во-вторых, сыщику было дорого время. Он знал, что оперативная группа работает здесь более часа, а значит, предварительные результаты осмотра уже должны быть готовы.

Гуров вышел из машины и встал на крыльце здания. Крячко давно заметил его, но шага не прибавил. Прикурив сигарету, он медленно доплелся до крыльца.

– Здорово! – не выпуская сигареты изо рта, приветствовал Стас напарника. – Хорошее начало недели! – он усмехнулся. – А с другой стороны, когда бы мы еще к твоей Марии в театр попали?

– Пойдем, – сухо проговорил Гуров.

– Дай хотя бы докурить! Не убежит наш жмурик! – жадно затягиваясь, возмутился Крячко.

Жмуриком был директор театра Юрий Юрьевич Равец. Сегодня в шесть утра во время обхода сторож обнаружил его мертвым в собственном кабинете.

Окончив театральный институт, Равец пристроился на работу в Министерство культуры. Он быстро поднимался по служебной лестнице и через несколько лет был назначен директором театра. Карьера актера его никогда не прельщала, но, заняв директорский пост, он в полной мере проявил свои актерские способности в закулисных интригах. По словам жены Гурова, Марии Строевой, которая работала в этом же театре, Равец играл в жизни то, что из-за своей бездарности никогда не сыграл бы на сцене.

Центральный вход в театр был закрыт. Сыщики обошли здание, которое снаружи чем-то напоминало гигантскую оранжерею, и оказались у служебного входа. Он тоже был заперт. Гуров нажал на кнопку звонка. Через секунду в окне на первом этаже, которое было защищено решеткой, отодвинулась желтая занавеска, и на обозрение прибывшим предстало сморщенное, испуганное лицо старичка. Так как дверь сыщикам открывать никто не спешил, Крячко достал из кармана куртки удостоверение и в развернутом виде прислонил его к оконному стеклу.

– Раньше надо было, дедуля, бдительность проявлять, – пробурчал Станислав, когда старик открыл дверь.

– А что, я ничего... Я не знал, я просто сторож. Я ж милицию, как положено, вызвал...

– Проведите нас на место происшествия! – прервал Гуров лепет старика.

– И помолчи. Мы тебя, когда надо, сами спросим, чего ты ничего, – раздраженно добавил Крячко.

– Да! – выкрикнул старик, вытянувшись по стойке «смирно».

Он лихо, по-солдатски, развернулся кругом и пошел впереди, показывая, по его же собственным словам, короткую дорогу в директорский кабинет. Все трое спустились в подвальное помещение, прошли под сценой и вышли к черной лестнице, сделанной на случай пожара.

– Осторожно, ступенечки узкие. Ноги поберегите, – это была единственная фраза, произнесенная сторожем за все время пути.

Поднявшись по лестнице, все трое через буфет прошли в огромное фойе, где были вывешены фотографии артистов и служащих театра. Гуров против воли замедлил шаг у портрета жены. Это был снимок сцены из спектакля «Ревизор», где Мария блистала в роли дочери городничего, пока новый директор не изъясил спектакль из репертуара.

– Ну вот, видите, как быстрехонько дошли, – со счастливым выражением лица проговорил сторож, указывая на коридор в конце фойе. – Другой дорогой бы блуждали и блуждали...

– Все, иди. Дальше мы сами, – Крячко тяжело дышал из-за быстрой ходьбы по крутой лестнице. – Скоро мы тебя вызовем. Будь здесь.

– Да! – бодро ответил сторож и снова встал по стойке «смирно».

– Жаль, что он не откозырял, – со вздохом проговорил Крячко, когда они с Гуровым отошли от сторожа, который стоял не шевелясь, словно приклеенный к паркету. – Я уже начал ощущать себя генералом.

Гуров ничего не ответил, а лишь с легким раздражением мельком посмотрел на напарника. Этот взгляд Стасу был хорошо известен. Крячко прекратил пустую болтовню и поставился настроиться на работу.

Пройти в директорский кабинет, который располагался в самом дальнем углу здания, можно было только через небольшую приемную. В ней не было ничего примечательного. Стулья расставлены вдоль стен, у окна стол секретарши, на нем компьютер и миниатюрная вазочка. Все было выдержано в серо-голубых тонах, кроме массивной темно-коричневой деревянной двери – последней преграды к директорскому кабинету.

– Да это не дверь, а врата! – Крячко не смог удержаться от ехидного замечания. Он усмехнулся. – Тебе случайно жена не говорила, это врата в рай или в ад?

Вместо ответа Гуров с силой рванул дверь на себя, проигнорировав шутку напарника. Картина, которая предстала глазам сыщиков, заставила застыть их на месте. Книги, одежда, какие-то бумаги – все было разбросано повсюду. Свободным оставался только маленький островок на полу в центре кабинета, где с широко раздвинутыми руками и ногами лицом кверху лежало обнаженное тело Юрия Юрьевича. У тела, склонившись, сидела судебно-медицинский эксперт Зинаида Артуровна Штольц.

– Привет! Я скоро закончу. А ребята, не отстрелявшись, уже перерыв себе устроили. – Она кивнула в сторону открытого окна, у которого, прислонившись к подоконнику, стояли Борис Пивцов, фотограф отдела, и молодой криминалист Миша Савичев.

– Здорово! – приветствовал коллег Крячко.

Подойдя к окну, он по очереди пожал руки Борису и Михаилу.

– Забавный у него вид! Прямо морская звезда на берегу после отлива! – сказал Стас, прикуривая сигарету. Михаил, оценив шутку, хихикнул, но тут же осекся, поймав брошенный в его сторону недовольный взгляд Гурова.

– Ну, вот и все! – Зинаида Артуровна поднялась с колен.

Она сняла резиновые перчатки, положила их в полиэтиленовый пакет и убрала в небольшой кейс, стоящий рядом. Туда же отправились и пакетики с пробами.

– Я в фойе Машенькину фотографию видела, – обратилась она к Гурову. – Да, хороша она была в этом спектакле! Сто лет мы с ней не встречались. По телефону особо не поболтаешь... Да я и не люблю по телефону поговорить, ты же знаешь.

Зинаида Артуровна считала себя подругой Марины Строевой, хотя таковой не являлась. Просто Маша приглашала ее на премьерные спектакли, и пару раз они заходили в кафе выпить по чашечке кофе.

– Как она? Как здоровье?

– Нормально, – сухо ответил Гуров.

Его интересовало дело, а не светская беседа.

– Что скажешь в предварительном заключении? – спросил он деловым тоном.

– Что скажу? – обиженно проговорила Зинаида Артуровна. Отведя взгляд в сторону, она официально равнодушным тоном продолжила: – На теле явные признаки насильственной смерти, которая предположительно наступила в промежуток времени от часа до половины второго ночи вследствие нанесения удара тупым предметом в левую височную область головы, – и, глядя в глаза Гурову, четко произнесла: – Точные данные, Лев Иванович, я смогу сообщить вам только после вскрытия.

– Зинуля, ну зачем так? – Крячко подошел к ней и, одной рукой обняв за плечи, со страстным видом прошептал: – Красивой женщине не идет грубость!

Зинаида Артуровна обладала яркой внешностью. Жгучая брюнетка с черными глазами и несколько великоватым носом, она умела скрывать недостатки и подчеркивать свои достоинства. Ей было пятьдесят два года, но выглядела она неплохо и всем говорила, что ей чуть за сорок. Красавицей ее можно было назвать с некоторой натяжкой, но она свято верила в его же созданный миф о своей привлекательности.

– Прекрати ребячиться, Стас! – с улыбкой приняв комплимент, Зинаида Аркадьевна убрала его руку с плеча.

– А ты прекрати обижаться, потому что это не идет не только красивым, но и умным женщинам! – тут же ответил Крячко.

– Стас прав, – Гуров понял, что если сейчас не вмешаться, то Крячко будет говорить комплименты до вечера. – Поэтому, как умный и внимательный человек, ты нам расскажешь поподробнее, что тебе удалось выяснить относительно трупа? – в тон напарнику проговорил полковник и вынужденно улыбнулся.

– Лстецы! – Зинаида Аркадьевна звонко рассмеялась.

– Ничего от нас не скрывай, – Крячко в шутку погрозил ей пальцем.

– Не скрою. Расскажу, извините за каламбур, голую правду.

Зинаида Артуровна вынула из кармана пиджака пачку сигарет. Крячко, как галантный кавалер, дал даме прикурить. Она с наслаждением сделала пару затяжек и тоном экскурсовода начала излагать свои предположения:

– Это преднамеренное убийство. Скорее всего, запланированное. Оно совершено не на бытовой почве, не по каким-либо религиозным мотивам или обрядам...

– А почему он голый? – перебил ее нетерпеливый Крячко.

– Почему? – Зинаида снисходительно улыбнулась. – Стас, это как раз неудивительно. Понятно, что в таком виде человек либо ванну решил принять, либо, как в нашем случае, сексом заняться.

– Вот они, люди искусства! Шекспировские страсти! Убийство на почве ревности, – с наигранной трагичностью произнес Крячко.

– Вполне возможно. Жертва недавно вступала в сексуальную связь, а вот был ли половой акт совершен до убийства или после, покажет вскрытие. – Зинаида Аркадьевна подошла к открытому окну и выбросила недокуренную сигарету на улицу.

– Половой акт с мужчиной, Зинуля, после смерти невозможен технически! – насмешливо произнес Крячко.

– Возможен, Стасик, если мужчина – гомосексуалист, – парировала она. – Именно о таком контакте я и говорила. У нас тот самый случай.

– Ты знал? – с возмущением обратился Крячко к невозмутимому Гурову.

– Да об этом весь город знает, – ответил за сыщика подошедший Борис. Он навел объектив фотокамеры на Крячко и сделал снимок. – Извини, не удержался. У тебя сейчас лицо было очень выразительное, – после чего счел нужным пояснить: – Конечно, он это не афишировал, но и тайны особой не делал.

– Почему ты допускаешь возможность запланированного убийства? – деловым тоном спросил у Зинаиды Гуров.

– Обрати внимание на шею.

Она подошла к трупу, и сыщики последовали за ней.

– Вот видите, характерная странгуляционная борозда. Возможно, это след от шелкового шнура. Скорее всего, убийца приготовил его заранее и во время сексуального контакта сзади накинул шнурок жертве на шею. Но убитый оказался сильнее, чем предполагал нападающий, и его пришлось каким-то тяжелым предметом ударить по голове, что и повлекло за собой смерть. Сильных повреждений и переломов на теле я не обнаружила. Есть только незначительные ссадины, по-видимому, полученные в момент удушения. О телосложении убийцы пока ничего сказать не могу. Скорее всего, покойный находился в горизонтальном положении в момент нападения, – довольная собой, Зинаида Артуровна с победоносным видом посмотрела на Гурова.

– Что с местностью? – обратился старший уполномоченный к криминалисту.

– Ни орудия убийства, ни предмета, который оставил борозду на шее, на месте преступления мной не обнаружено, – тоном ученика, отвечающего урок, выпалил Михаил.

Он очень уважал Гурова, восхищался его работой и немного побаивался.

– Да ты не переживай так, Миша, излагай поспокойнее, – усмехнулся Крячко.

– Вообще особых следов борьбы я не заметил, – откашлявшись, начал тот. – А погром в кабинете... Ну, наверное, что-то искали. Вот только странно, пальчиков много, а сейф идеально чистый. Ни одного отпечатка, словно его специально протерли. Или не пытались вскрыть... Да, и еще! Одежда убитого была аккуратно сложена и лежала на диване. Вот здесь.

– Молодец, Михаил! – Гуров не мог не похвалить Савичева.

Он понял по взгляду, что криминалист именно этого ждет.

– Спасибо, Лев Иванович, – Миша был смущен и доволен.

– Ладно, пойдем. Нужно сторожа допросить, – не обращая внимания на слова благодарности, Гуров направился к выходу. – Удачи. Увидимся.

– Стас! – окликнул Борис Крячко, когда тот уже был в дверях. – Портрет я тебе к концу недели обещаю сделать.

– Да пошел ты!

Кроме самого полковника, шутка понравилась всем.

Когда Гуров и Крячко вышли в фойе, они увидели сторожа. Он стоял на том же месте, где с ним расстались сыщики.

– Ты что, дед, так и простоял здесь все время? – искренне удивился Стас.

– Да вы же сами сказали, будь здесь...

– Я театр имел в виду, – сказал Крячко, еле сдерживая смех.

– Ну а я чего, думаю, вдруг позовут, спросить захотят, узнать, все выяснить, а меня нет... А я чего, я ничего, думаю, так даже лучше. Ничего, подожду здесь.

– Как тебя звать, «чего ничего»? – рассмеялся Станислав.

– Василий Михайлович, – старик неуверенно, видимо, из-за привычки бесприкословно подчиняться начальству, издал звук, отдаленно напоминающий смех.

– Нам нужно задать вам несколько вопросов, – разрушая идиллию, командным тоном произнес Гуров. – Пройдемте в какой-нибудь свободный кабинет. Ключи от комнат у вас?

– Да! – с готовностью ответил сторож. – На вахте все ключи. Только зачем в кабинет?.. Может, лучше ко мне в каморку? У меня и чаек есть. Можно...

– А кофеек есть? – оживленно поинтересовался Крячко.

– Нет, – старик растерялся.

– Ну, что же ты, Михалыч! Ладно, веди, чаек тоже пойдет. Мы со Львом Ивановичем чаек тоже уважаем, – сказал Станислав и с наслаждением вздохнул в предвкушении удовольствия от горячего чая.

– Я извиняюсь, а как вас самого величать и в каком вы звании? – с уважением спросил сторож.

– Лев Иванович у нас – старший оперуполномоченный по особо важным делам. А я... – Крячко сделал многозначительную паузу. – Полковник Крячко. Ну, где твоя каморка?

– На первом этаже, рядом с вахтой.

– Ну, веди! – скомандовал Стас.

На первый этаж они возвращались той же дорогой, которая привела их к директорскому кабинету. На обратном пути сторож снова был не очень разговорчив. Только у черной лестницы он дословно повторил фразу об опасных ступеньках. И на выходе из подвальных помещений предупредил о низенькой балочке. Обе фразы о соблюдении техники безопасности он адресовал Крячко, потому что считал звание полковника выше должности старшего оперуполномоченного, тем более что Стас именно так это и преподнес, а Гуров не возражал.

Комната сторожа была очень маленькой и отличалась сравнительной чистотой и унылой мебелью, которая имела такой вид, словно ее принесли со свалки. Единственным ярким цветовым пятном в интерьере были желтые занавески. У окна стоял круглый столик, весь в черных пятнах от сигаретного пепла и белесых разводах от стаканов. На нем были пепельница и электрический чайник. Рядом со столом стояли старенькая деревянная табуретка и кресло, сделанное очень грубо в стиле восемнадцатого века. По всей вероятности, списанный реквизит из какого-то спектакля. У одной стены стоял выпцветший двухстворчатый шкаф, у другой – продавленный низкий диван, на котором сидела молодая симпатичная женщина. Она обернулась на звук открывающейся двери. Лицо у нее было бледным, немного припухшим, а глаза красными, как будто она недавно плакала или плохо спала ночью. А может, и то и другое вместе.

– Лиза? – сторож был явно удивлен, увидев у себя в комнате гостью. – Ты чего тут? Видишь, я тут с товарищами! Иди! У нас разговор серьезный! – сказал он тоном начальника.

– Да я, дядя Вася, швабру взять зашла.

Оправдываясь, женщина встала с дивана и подошла к шкафу.

– Я вчера уборку не успела закончить, – доставая из шкафа швабру и ведро, Лиза продолжала говорить монотонно, словно разговаривала сама с собой. – Ничего, я быстренько. Мне чуть– чуть осталось.

– Вы – уборщица и вчера были в театре? – Гуров произнес фразу очень быстро.

Лиза выронила ведро, и оно с грохотом упало на пол.

– Что с тобой? Ты чего какая-то странная? – поднимая ведро, обратился сторож к неподвижно стоящей женщине.

– Да. Я была вчера в театре, – ответила она наконец на вопрос сыщика.

– В таком случае подождите на вахте. Нам надо задать вам несколько вопросов. Мы вас вызовем. – Гуров прошел в комнату и сел на табурет.

– Ты чего, Лиза? Тебя товарищи из органов просят. Что с тобой? – отчитывал продолжавшую стоять уборщицу Михалыч, убирая обратно в шкаф швабру и ведро.

После того как Лиза услышала информацию, что с ней разговаривают товарищи из органов, бледность на ее лице исчезла, и на щеках появился неестественно яркий румянец.

– Хорошо, – тихо сказала она и, опустив голову, быстро вышла из комнаты.

– Опять, наверное, со своим поссорилась, – прокомментировал состояние уборщицы Михалыч.

Он поставил на стол две чашки из разных сервизов, которые достал из шкафа, и пачку чая в пакетиках.

– Жалко, молодая баба еще, – вздохнул сторож и нажал кнопку электрического чайника.

– А кто у нас свой? – поинтересовался Крячко и уселся в кресло.

– Да Сашка Штырев. Он шофером у нас работает. – Михалыч скривил лицо. – Мерзкий тип.

– Начальство возит? – Крячко положил в чашки пакетики с чаем и налил кипяток.

– Да кто ж ему доверит! – Сторож, как фокусник, высыпал на стол горсть неизвестно откуда появившихся у него дешевых карамельных конфет. – Вот, угощайтесь. Кисленькие, – он сел на диван. – А Сашка у нас по мелочовке. Ну, там, билеты на заказной спектакль подвезти или реквизит какой. Бывает, и за актерами посылают. Ну, там, кто со съемок на спектакль опаздывает или еще чего.

– Ну а почему ты решил, что девушка из-за него расстроена? – не успокаивался Станислав.

– Да из-за него и есть. Ревнивый он, как черт. Главное сам ее сюда работать пристроил, а теперь ревнует к каждому задрипанному актеру.

Постепенно Михалыч совсем освоился. Первоначальный испуг исчез, и он беседовал с Крячко, как со старым знакомым.

– А может, она повод давала? – Стас сделал глоток чая. – Все бабы одинаковые. Прикидываются честными, а сами...

– Нет, Лизка не такая! – с уверенностью ответил сторож. – Она даже последнее время по ночам работать стала, когда в театре никого нет. Ну, что б этот обормот не подозревал ее ни в чем.

– И вчера ночью работала? – с сочувствием спросил полковник.

– А как же! Ровно в одиннадцать пришла, как штык. Уж неделю так, – Михалыч снова взял конфету.

– А ушла во сколько? – подал голос Гуров.

– А вот этого не скажу, – сторож засмутился. – Вздремнул я малость. Как уходила, не видел.

По его лицу было видно, что он мысленно пытался восстановить события прошлой ночи. Мышцы на лице были напряжены, Михалыч даже перестал жевать конфеты, которые до этого ел без перерыва.

– Но в двенадцать часов она еще была. Я как раз обход делал, а она в режуправлении полы мыла. Я видел.

– Ну а теперь рассказывайте все с самого начала о всех событиях вчерашнего дня, – вкрадчивым тоном произнес Гуров.

В это время он посмотрел на Крячко. Напарник тут же сообразил, что нужно сделать. Они очень давно работали вместе, и Стасу было достаточно беглого взгляда товарища, чтобы понять, чего Гуров хочет. Он должен проверить, на месте ли уборщица. Крячко встал, потянулся и лениво вышел из комнаты.

– Я поздно проснулся... – неторопливо начал сторож.

– Нет, с того момента, как вы пришли в театр, – прервал сыщик Михалыча. – И ничего не пропускаю. Это может быть важным. Кого видели, с кем общались. Все до момента, как вы обнаружили труп директора.

– Ну, да... А то чего это я? – сторож засуетился.

За время непринужденной беседы с полковником события, связанные с убийством директора, в сознании Михалыча как-то отошли на второй план. В комнату вернулся Крячко.

Он посмотрел на Гурова и слегка улыбнулся. Гуров понял, что зря беспокоился. Уборщица была на вахте. Стас снова сел в кресло.

– Я на службу должен заступать в восемь вечера, но прихожу всегда раньше на полчаса, – с гордостью, как о подвиге, произнес Михалыч. – Ну, так же и вчера. Сменил я, значит, Тамарку. Бестолковая баба, и дочь в нее пошла. Обе бестолковые и толстые. У меня дача с ними по соседству. Так в прошлом году они...

– Не отвлекайтесь. Говорите по существу, – прервал Гуров сторожа, который не в меру стал словоохотлив.

– А я чего. Я ничего. Я по существу. Вы сами сказали: не пропуская... Важным может оказаться, – обиженно произнес сторож.

– Ладно, Михалыч, не затягивай. У нас времени и так в обрез. Ты рассказывай подробно, но о главном. Не уходи в воспоминания, – с улыбкой проинструктировал Крячко старика.

– Хорошо! – во время всего последующего рассказа Михалыч обращался к полковнику, демонстративно игнорируя Гурова. – Значит, пришел я в половине восьмого. Тамарка тут же убежала, даже восьми не дождалась. С дочерью ей надо было встретиться, корове...

– Михалыч! – Крячко показал на наручные часы, напоминая сторожу о нехватке времени.

– Ну вот, спектакль уже начался, – словно опомнившись, заговорил старик в два раза быстрее. – У нас спектакли в семь начинаются. До конца спектакля на вахту из актеров только Степанов заходил. У него дочка заболела. Домой звонил. Потом Ксюшка, молодая костюмерша, за булкой выбегала в двадцать минут девятого. Вернулась с батоном через двенадцать минут.

– Откуда такая точность? – с усмешкой поинтересовался Гуров.

– Откуда-откуда, – выказав свое пренебрежение сыщику, старик продолжил, обращаясь к Крячко: – У меня ж перед глазами на стенке напротив электронные часы висят. Ну, поневоле, когда людей мало проходит, смотришь, кто во сколько пришел, во сколько ушел. Сейчас уже в привычку вошло. Я здесь пятый год работаю. Пятый год на них смотрю. Если сломаются, мне, наверное, без них неуютно будет. Прикипаю я к вещам. Эти часы для меня, как человек. Как будто живыми стали. Родными что ли, – после лирического отступления, сторож глубоко вздохнул и через мгновение как ни в чем не бывало бодро продолжил: – Ну вот, а в девять часов восемнадцать минут директор со спонсором появились. Быстро мимо меня прошли, в машину директорскую сели и уехали. Я в окошечко видел. Оба веселые, может, даже не вполне трезвые. Спонсор Юрий Юрьевичу шепотом, наверное, какой-то анекдот рассказывал, потому что директор заливался от смеха, как маленький. А вообще-то, он человек серьезный. Такого поведения себе никогда ни с кем не позволял. Я прям удивился. Чего он, думаю, так распустил себя? Он себя обычно со спонсорами в строгости держит.

– А часто ты, Михалыч, его со спонсорами видел? – недоверчиво спросил Крячко.

– Да приходилось! – заносчиво ответил старик. – Бывало, и ночью он с ними в театр приезжал. Оно понятно, дел у директора много, за день всего не переделаешь, вот он ночь и захватывал.

– А как выглядел вчерашний спонсор? – Гурову начинали надоедать рассуждения сторожа.

– Как все! В костюме! – грубо отреагировал на его вопрос сторож и дружелюбно обратился к Стасу: – Не похож он был на тех, с кем директор по ночам приезжал. Те спонсоры всегда как с картинки были. Моложавые, высокие, спортивные... Спонсоры, одним словом. А этот, какой-то шнырь плюгавый, даже ниже Юрия Юрьевича. И голос у него противный, бабий какой-то, писклявый. Он хоть и шепотом говорил, но у меня, несмотря на возраст, слух как у музыканта. Вижу, не стану врать, погано, а вот слышу все, вплоть до ультразвука.

– Как же ты не услышал, как директор ночью вернулся? – с сочувствием произнес Крячко. И высказал предположение: – А мог он через парадный вход пройти?

– Мог, наверное. Только он, когда ночью приезжал, всегда через служебный вход в театр заходил... Как получилось, сам не пойму. У меня уже лет восемь бессонница, поэтому и сторожить пошел. Жена, покойница, говорила: «Иди в сторожа, все равно не спишь, как лунатик по дому из угла в угол всю ночь шастаешь. Иди, тебе за это еще и зарплату начислят будут». Вот я и пошел... Никогда я на работе не то чтобы не спал, не дремал даже, а здесь... Я Лизу после двенадцатичасового обхода позвал чай пить. Она мне вот этот импортный в пакетах принесла. Сам я обычный «Майский» в чайничке завариваю, а она дорогой принесла. Побаловала старика. Хорошая она, добрая, мужика бы ей путного. – Михалыч посмотрел на Крячко с таким видом, словно сватал Лизу ему в жены. – Ну, выпили по чашечке, она поплакалась мне о дураке своем и пошла убирать. А я через минут десять буквально свалился. Да так крепко заснул, что ничего не слышал: ни как Лиза уходила, ни как директор вернулся.

Крячко машинально отодвинул от себя чашку с недопитым чаем.

– Прямо наваждение какое-то. Проснулся я, посмотрел на часы, а на них пять тридцать восемь. Я, конечно, удивился сильно, что заснул, да еще так надолго. Ну, и пошел обход делать. Во-первых, положено, а во-вторых, за Лизкой все проверить нужно. Рассеянная она. Ну, дошел до приемной, а там дверь настежь. Я, конечно, поматерил Лизку про себя... Захожу, а там!.. Дверь в директорский кабинет тоже открыта была. В общем, увидел я Юрия Юрьевича во всей красе. Испугался. Все, думаю, пропал я. Буду свой век в тюрьме доживать. Ну а потом на вахту побежал, вам звонить. Вы уж меня не сажайте. Я ж чего, понимаю, что виноват. Не засни я, может, убийца чего и побоялся бы... Не сажайте. Умереть хочется по-человечески, в своей постели, не в казенной. – Глаза старика наполнились слезами, и он с мольбой смотрел на Крячко.

– Ты, отец, ступай, позови Лизу. И не переживай. Поймаем мы преступника, все в порядке будет. – Крячко почувствовал жалость к сторожу, но внешне вида не показал.

– Да, и не уходите далеко. – Гуров остановил сторожа в дверях и для самого себя неожиданно мягко добавил: – Поможете осмотреть нам здание, после того как мы допросим уборщицу.

– Сентиментальными мы, Лева, становимся с возрастом, – вздохнув, сказал Крячко, когда они с Гуровым остались одни, и с иронией уточнил: – Мешать это будет нашей работе.

– Можно? – войдя, спросила Лиза.

За то время, пока сыщики беседовали со сторожем, она успела прийти в себя и теперь выглядела гораздо лучше. Припухлость с лица исчезла, и оно было уже не таким бледным. Лиза успела накрасить губы и слегка подвести глаза. Вела она себя более уверенно и даже как будто демонстрировала это.

– Даже нужно, – ответил Крячко и вытянул руку в направлении дивана, указывая место, где ей сесть, хотя других вариантов, в общем-то, и не было.

– Как ваше имя-отчество? Кем вы работаете в театре? – задал он вопрос Лизе, когда та села.

– Елизавета Евгеньевна Пеленева. Уборщица.

– Что вы делали вчера ночью в театре? – Гуров видел, как после его вопроса девушка начала еле заметно постукивать указательным пальцем по коленке.

– Как чего делала? Убирала! – Лиза явно нервничала, но старалась казаться спокойной и независимой.

– Почему ночью? У вас есть договор с дирекцией? – вопросы Гуров задавал быстро и монотонно, глядя в глаза молодой женщине.

– Ночью мне удобнее! А начальству какая разница? Главное, чтоб чисто было, – раздраженно почти прокричала она.

– То, что вы находились ночью в театре без ведома руководства – грубое нарушение трудовой дисциплины. – Гуров заметил, что Лиза уже не может скрывать своего волнения. Ее

щеки покраснели, в глазах появился детский испуг, а руки она сжала в крепкий замок так, что пальцы побелели. Сыщик решил надавить на нее посильнее. – Помните, что за дачу ложных показаний вы понесете наказание. Изложите все, что вчера происходило в театре с момента вашего появления на работе.

– Да ничего не происходило, – во время рассказа у Лизы дрожали губы, она часто дышала и некоторые слова повторяла дважды. – Я пришла в одиннадцать, провела уборку, а около часа ушла домой. Я плохо себя почувствовала, не все сделать успела, поэтому сегодня утром доубираться пришла.

– Где был сторож, когда вы уходили? – в голосе Гурова появились металлические нотки.

– Дядя Вася вот на этом диванчике спал. Я переоделась и ушла потихоньку, – она произнесла это как само собой разумеющееся.

– Значит, некому подтвердить время вашего ухода?

– Значит, некому подтвердить, – обреченно повторила за Гуровым Лиза.

– Кто приходил в театр за время вашего пребывания на работе? – еще жестче спросил Гуров.

– Никто не приходил, никого не было, – испуганно затараторила Лиза.

– Вы убрали в кабинете директора? Как вы узнали о его гибели? – напирал сыщик.

– Я в кабинете не убирала! Я вообще в то крыло не заходила! – оправдывалась уборщица. – А что Юрия Юрьевича убили, я сегодня узнала, когда на работу пришла. Мне заведующая костюмерным цехом, Наталья Петровна, сказала.

– Странно. Мне помнится, мы объявлений с этой информацией не развешивали, – связывил Крячко.

– Это же театр, – с усмешкой ответила Лиза. – Слухи молниеносно распространяются. Это еще хорошо, что понедельник. У актеров выходной, людей в театре мало. Если бы это в другой день случилось, сейчас бы здесь такой шум стоял. Актеры – люди эмоциональные, несдержанные и нередко завистливые. Они бы друг друга подозревать стали и обвинять начали...

– Почему вы не сказали, что пили чай со сторожем? – неожиданным вопросом Крячко застал Лизу врасплох.

– Я не знала... Я не думала... – начала она сбивчиво. – Мне показалось это не важным.

– В данной ситуации мы решаем, что важно, а что нет, – Крячко даже изменился в лице. До этого излучающее добродушие, теперь оно выражало строгость и непреклонность. – Может быть, вы еще умолчали о каких-нибудь фактах, которые посчитали незначительными?

– Нет! Нет, я все рассказала! – уборщица так кричала, как будто ей зачитали смертный приговор. – Я ничего не видела! Ничего больше не было!

– Здравствуйте! Прошу прощения! Я спешил, но на дорогах жуткие пробки! Я выехал сразу, как только мне позвонили!

В дверь ворвался невысокий полный мужчина лет пятидесяти. На нем был светло-коричневый, очевидно, очень дорогой, замшевый пиджак, который плотно облегал его фигуру и еле сходил на талии, от чего мужчина казался еще полнее. У него были светлые жидкие волосы, и на макушке просвечивала еле заметная лысина. Темно-синие джинсы чересчур сильно обтягивали короткие ноги. А завершал наряд шелковый ярко-синий шейный платок.

– Ради бога, извините! Никак не мог раньше! От меня ничего не зависит! Я в шоке! Такое несчастье! Трагедия! Ужас! Варварство! Бедный Юра! – громко причитал он, задыхаясь, выпучив глаза и без остановки размахивая руками, отчего выглядел очень комично.

– Вы кто? – наконец-то удалось задать вопрос Гурову, когда толстяк на секунду замолчал.

– Кто я? – мужчина шумно сделал вдох и немного помолчал. Достав из нагрудного внутреннего кармана пиджака кипенно-белый, отделанный по краю изящной узкой кружевной лентой носовой платок, он протер лоб, на котором из-за чрезмерного возбуждения у него выступили капельки пота, и убрал платок обратно. Гордо подняв голову, с пафосом представился: –

Виктор Максимович Михайлов, первый заместитель директора театра. По организационным вопросам.

– Превосходно. Мы очень рады. Только вы вот что, выйдите пока за дверь и подождите в коридоре. – Поняв, что толстяк хочет возразить, Гуров, повысив тон, добавил: – Мы вас вызовем, когда сочтем нужным.

Высокомерие замдиректора тут же улетучилось, и он, опустив голову, вышел из кабинета.

– Елизавета Евгеньевна, на сегодня у нас к вам больше вопросов нет, – обратился Гуров к уборщице. – Убедительная просьба: за пределы города пока не выезжать. Идет расследование. Мы вызовем вас для беседы, если понадобится. И не переживайте, это стандартная процедура, – и, когда Лиза уже стояла у двери, добавил: – Да, и скажите, чтоб замдиректора зашел минут через пять.

– Мутная она какая-то, – оценил поведение уборщицы Крячко, когда та вышла из комнаты. – Чего-то боится, чего-то недоговаривает. Нутром чую, неспроста. Не так здесь что-то. Ты не находишь, Лева?

– Я всегда доверял твоей интуиции, Стас. Поэтому возьми чаек. Отдадим на всякий случай в лабораторию, пусть анализ сделают, – попросил напарника Гуров.

– Да я прямо сейчас оперативникам и отдам. Они, скорее всего, еще здесь. Им все равно в лабораторию нужно. Вот наш чаек и захватят.

Крячко вынул один пакетик из коробки и приготовился положить его в карман.

– Нет, Стас! – остановил его Гуров. – Всю пачку надо брать, мало ли что.

– Да ладно. И одного пакетика хватит. Ну, куда я тебе всю пачку дену? – Крячко вытянул руки и покрутил ладонями, демонстрируя, что у него ничего нет, куда бы он смог спрятать пачку.

– Нет, надо брать все. Ты же нутром чуешь, вот и бери все. Чтобы наверняка, – Гуров расплылся в довольной улыбке.

– Ладно, возьму! – Крячко с укором посмотрел на напарника, расстегнул «молнию» на куртке, положил за пазуху пачку чая и наглухо застегнулся. – Доволен?

В дверь робко постучали, затем она со скрипом приоткрылась, и в дверном проеме появилось круглое лицо замдиректора.

– Разрешите? – спросил он неуверенно и, не дожидаясь ответа, зашел в комнату. Со скромным видом остановился в дверях. – Позвольте вам предложить продолжить наше общение у меня в кабинете. Уверяю вас, там гораздо комфортнее.

– Как вы относитесь к перемене места, Лев Иванович? – немного передразнивая толстяка, обратился Крячко к Гурову.

– Я отношусь положительно, – в тон полковнику ответил тот.

Оба сыщика покинули каморку сторожа и в сопровождении Михайлова двинулись по коридорам театра.

– Прошу! – нараспев произнес замдиректора и широко распахнул дверь перед гостями, пропуская их вперед в свой кабинет.

Апартаменты Виктора Максимовича располагались на втором этаже в противоположном крыле здания относительно директорского кабинета. Рядом была комната режуправления, где на своих рабочих местах пили чай с бутербродами и бурно обсуждали трагические события прошлой ночи заведующая труппой, заведующая литературной частью и два помощника режиссера. Дверь в кабинет была открыта, и, когда замдиректора в сопровождении двух сыщиков проходил мимо, разговоры моментально утихли.

На второй этаж Виктор Максимович повел Гурова и Крячко нормальной дорогой через обычную лестницу, а не коротким путем, каким вел Михалыч. Попутно он провел целую экскурсию, подробно рассказывая, где какие цеха находятся и чем в них занимаются. Какие гримерные принадлежат ведущим актерам, что они играют, на сколько талантливо это им удается

и что они за люди в обычной жизни. За время пути в свой кабинет замдиректора не умолкал ни на секунду, вел себя очень раскованно и задал сыщикам лишь один вопрос об их именах и званиях. Со стороны это напоминало встречу старых знакомых после многолетней разлуки. Один хвастался своими достижениями за эти годы, а двое других молча слушали и про себя ненавидели заносчивого рассказчика. Вел себя Виктор Максимович очень манерно – жесты его были жеманны, а говорил он слащаво.

– Позвольте предложить вам кофеечек, – с тошнотворной вежливостью обратился он к сыщикам, когда те сели в красные кожаные кресла у маленького журнального столика, с другой стороны которого располагался диван, тоже обтянутый такой же красной кожей.

И Гуров и Крячко машинально отметили про себя, что в кабинете директора был точно такой же набор мебели, только черного цвета. Вообще, кабинеты Юрия Юрьевича и его первого зама были очень похожи. Рабочие столы и того и другого были массивны, лампы, стоящие на них, и компьютеры с плоскими мониторами были просто одинаковыми. Тяжелые занавески на окнах, книжные полки, шерстяной ковер с высоким ворсом на полу – все словно повторяло друг друга, как отражение в зеркале. Только в кабинете директора преобладал черный цвет, а у Виктора Максимовича красный.

– Людочка у меня готовит чудный кофе. К сожалению, это единственное достоинство моей секретарши. – Михайлов неприятно рассмеялся, параллельно издавая какое-то присвистывание.

– Нет, кофе не надо, – отказался Гуров.

Его не просто раздражала манера Михайлова вести себя, но он чувствовал, что начинает злиться. И даже испытывает желание врезать толстяку по морде.

– Ну а коньячок не предлагаю. Я же понимаю, вы на службе, вам не положено, – замдиректора снова засвистел. Казалось, он уже и забыл, по какому поводу пригласил гостей и кто они такие. – Хотя жаль! Коньяк французский, божественный!

– Наливай! – Крячко больше не мог терпеть его глупые шутки. – Выпей и признавайся.

– Как признавайся?! В чем, собственно, я должен признаться? – У испуганного замдиректора на лбу снова появились капельки пота. – Это уже слишком! Я буду жаловаться!

– Где вы находились вчера с восьми вечера до сегодняшнего утра? – Гуров был спокоен и не обращал внимания на вопли толстяка.

– Я не намерен вести беседу в таком тоне! – обратился к нему Михайлов. – Прикажете вашему товарищу вести себя достойно!

Виктор Максимович нервно расхаживал по комнате и вытирал лицо носовым платком, который уже приобрел серый цвет.

– Сядь! – рявкнул Крячко. – Сегодня в шесть утра сторож обнаружил твоего директора у себя в кабинете убитым. Он лежал на полу совершенно голый. А теперь подумай, что с ним делали, прежде чем прикончить! Мое мнение, что это маньяк и что директор лишь первая жертва. Извращенца привлекают люди искусства, занимающие руководящие должности.

Крячко был настолько убедителен, что, если бы Гуров не знал, что он выдумывает, допустил бы возможность подобной версии.

– Боже, боже! Какое варварство! Как это возможно? – Толстяк был ошеломлен такой информацией.

Он сел на диван и тоном просителя начал:

– Я готов ответить на любые вопросы. Я расскажу все, что мне известно. Только я хотел бы, чтобы вы гарантировали мне безопасность. Вы же понимаете, я человек известный и после того, что случилось, моя жизнь под угрозой.

– Я рад, что наконец-то вы это поняли.

Стас еще больше усилил волнение толстяка.

– Вчера в девять утра я уже был в театре. Нужно было закончить смету. Мы запускаем новую постановку. Планы грандиозные. Островский, классика. У меня мозг закипал, но к четырем дня я все закончил и понес смету на согласование к Юрию Юрьевичу. Его все устроило. Мы отметили это, выпив по рюмочке коньяка. В начале седьмого к нему пришел бывший однокурсник по театральному институту, а на сегодняшний день известный преуспевающий бизнесмен. Я не знаю его фамилии. Видел его впервые. Замечательный рассказчик... Вообще очень милый человек. Несмотря на невзрачность, после короткого общения я даже назвал бы его очень привлекательным мужчиной...

Михайлов понял, что чересчур увлекся. Он провел ладонью по волосам. На указательном пальце левой руки блеснул золотой перстень с опалом.

– Я недолго побыл с ними. Мне нужно было идти. Я обещал своему другу... – Он снова осекся, а затем, очень по-женски смущаясь, улыбнулся и продолжил: – Нет, не поймите меня неправильно. Просто у моего старого товарища вчера был день рождения. У него в квартире идет капитальный ремонт, ну я и оказал ему услугу... В общем, на время ремонта предложил переехать пожить ко мне. Вы же понимаете! У него день рождения, он в моем доме, а меня нет! – неумело придумывал на ходу замдиректора историю. – Я уехал, а Юра... Извините, Юрий Юрьевич с этим товарищем остались допивать коньяк. К восьми вечера я попал домой и пробыл там, никуда не отлучаясь, до того момента, когда мне сегодня позвонили по телефону и сообщили о смерти Юры. Что я не лгу, может подтвердить Илюша... То есть Илья – друг, который переехал ко мне на время ремонта...

Михайлов был явно собой недоволен. Он понимал, что проговорился. Меньше всего ему хотелось, чтобы сыщики догадались о его сексуальных предпочтениях, хотя его ориентация была понятна с первого взгляда.

– Были у Равца враги в театре? Может быть, ему угрожали? – Гуров спешил закончить беседу, потому что желание врезать толстяку возросло с бешеной скоростью.

– Ну а как вы думаете? Только дураки и бедняки врагов не имеют, – замдиректора широко улыбнулся и поднял глаза к потолку, как будто вспомнил что-то очень приятное. – Конечно, ему завидовали. Еще бы! Настоящий мужчина! К тридцати семи годам уже директор такого театра! Замечательный делец, мудрый руководитель, умница во всех отношениях... Он отличался строгостью. В театре многим это не нравилось, особенно в актерской среде. Но актеры вечно чем-то недовольны. То им не ту роль дали, то зарплату маленькую начислили, то режиссер бездарный, то пьеса устаревшая, то гастроли длинные... А винят во всем, конечно, меня и директора. – Виктор Максимович почувствовал, что начинает злиться, поэтому прервал свой монолог, глубоко вздохнул, в очередной раз вытер платком лоб и продолжил: – В общем, недоброжелателей хватает! Но чтобы кто-нибудь из них угрожал? Или тем более на убийство решился?.. Нет! Никто из них ни на что подобное неспособен. Самое большее, что они могут, – это распускать сплетни по театру. Шушера! Это на сцене они короли и рыцари, благородные лорды, а в обычной жизни трусы, слюнтяи, лизоблюды и попрошайки.

Михайлов снова достал платок. Только сейчас замдиректора заметил, что он у него уже несвежий. Он с видом истерика скомкал платок и с силой швырнул на пол рядом с диваном.

– Поведение Равца в последнее время не показалось вам странным? Особенно это касается вашей вчерашней встречи. – Гуров обратил внимание, что Стас уже минут десять сидит в кресле, сжимая кулаки.

– Ну что вы! – рассмеялся Виктор Максимович, как всегда, присвистывая. – Вчера он, как обычно, был обходителен и галантен. В общем, блестящ! – Он резко переменялся в лице. – Ужас! Ужас! До сих пор не могу поверить, что его нет!...

– Понятно. До свидания, Виктор Максимович. – Гуров встал из кресла. Крячко тоже быстро поднялся. – Оставайтесь здесь, а мы сейчас направим к вам нашего художника. Вы поможете ему составить портрет того человека, что был вчера у Равца. Сможете?

Михайлов кивнул.

– И предупреждаю вас, идет следствие. Пределы города не покидать. Мы вас еще вызовем для беседы.

Оба сыщика поспешили к выходу.

– Сколько угодно! Вызывайте! Конечно! – с необычайной легкостью Михайлов вскочил с дивана, одним прыжком догнал Крячко и вцепился в его руку мертвой хваткой. – А что же с моей охраной? Я очень известный человек! Моя жизнь в опасности.

– Я лично прослежу за решением этого вопроса! – скрывая отвращение, солгал полковник, освобождаясь от липких ладоней замдиректора. – И я, и Лев Иванович полностью отдаем себе отчет, насколько ценна жизнь такого человека!

С этими словами Станислав покинул кабинет Михайлова вслед за уже шагнувшим через порог напарником.

Глава 2

– Здравствуйте, Лада, – Реджаковский с важным видом прошел в приемную министра на втором этаже и остановился возле секретарского стола.

– Здравствуйте, – подчеркнуто высокомерно произнесла секретарша, бросив мимоlet-ный взгляд на Геннадия Афанасьевича.

Реджаковского неприветливый прием помощницы министра, казалось бы, нисколько не смутил. Он привычно уверенной походкой подошел к вешалке в углу комнаты, снял плащ и, повесив его на плечики, аккуратно пристроил на вешалке. Затем так же спокойно снял фетровую шляпу и бережно опустил ее на полочку для головных уборов. Все действия Геннадия Афанасьевича отличались педантической аккуратностью.

– У Аркадия Михайловича кто-то есть? – поинтересовался Реджаковский.

Его хорошо поставленный глубокий баритон звучал уверенно и спокойно.

Секретарь, проигнорировав вопрос художественного руководителя театра, нажала кнопку на аппарате внутренней связи.

– Аркадий Михайлович, Реджаковский в приемной.

Что ответил министр, Геннадий Афанасьевич не слышал.

– Присядьте, пожалуйста, – обратилась девушка к Реджаковскому после паузы и вновь уткнулась в экран монитора, – министр занят. Вас пригласят. Подождите.

Реджаковский занял один из стульев напротив входной двери в кабинет министра культуры, а на соседний стул опустился огромный портфель художественного руководителя. Геннадий Афанасьевич посмотрел на часы. Десять ноль одна. Он удовлетворенно и глубоко вздохнул, достал из кармана носовой платок и промокнул им голову с редющими волосами на макушке и вспотевшее от быстрой ходьбы лицо.

Звонок из приемной министра культуры застал Реджаковского дома в состоянии болезненной дремы. Было уже раннее утро, когда Геннадию Афанасьевичу удалось наконец уснуть. Именно в это время на журнальном столике рядом с кроватью зазвонил телефон. Геннадий Афанасьевич не спешил снимать трубку. «Только бы пережить сегодняшний день! Дальше будет легче. У всех свои заботы. Как-нибудь пронесет. Забудется, в конце концов...» – успокаивал себя Реджаковский.

После пятого сигнала вызова он взял трубку. Откашлявшись, Геннадий Афанасьевич поздоровался с абонентом на том конце провода. Выслушав короткое сообщение, Реджаковский бухнул трубку на аппарат и поспешно встал с кровати. Трясущимися руками он натянул на себя брюки. На ходу надевая рубашку и свитер, добежал до ванной комнаты и подставил лицо под струю ледяной воды.

Несмотря на то что до назначенного времени оставалось всего сорок минут, Геннадий Афанасьевич не сел в автобус. К Министерству культуры он пошел пешком...

Ожидание встречи с министром в приемной становилось невыносимым. Прошло пять минут, и Реджаковский успел подробнейшим образом изучить детали обстановки. Опытный актерский взгляд отмечал даже самые незначительные детали. Ему и раньше приходилось бывать в этом кабинете, хотя и при несколько иных обстоятельствах. Подолгу сидеть в приемной не приходилось. Он про себя отметил, что у Лады, одной из двух сменных секретарей министра, очень пухленькие и милые ножки. Стол, за которым сидела девушка, был обращен к посетителям своей тыльной стороной, и Реджаковский незаметно для девушки беззастенчиво рассматривал похотливым взглядом ее голени, щиколотки и изящные крохотные туфельки. Лада время от времени вставала и подходила к факсимильному аппарату на соседнем столике, и тогда Реджаковский переводил взгляд на дверь кабинета министра с блестящей с золотым отливом табличкой «Брызгунов Аркадий Михайлович».

Ожидание становилось невыносимым. Посидев в приемной еще пару минут, Реджаковский стал отчаянно кашлять. Он схватил портфель и, приложив носовой платок ко рту, вышел из помещения. Все еще громко кашляя, он быстро прошагал по коридору до лестницы, ведущей на первый этаж. Затем спустился вниз. Резко дернув на себя дверь уборной, шагнул внутрь и закрыл за собой дверь на щеколду.

Оказавшись в одиночестве, Реджаковский открыл портфель, покопался в одном из отделений и извлек оттуда двухсотграммовую плоскую бутылочку водки.

«Дальше непременно будет проще. Со временем все забудется и потечет своим чередом. Все займутся своими делами, не будет никаких вопросов, встреч...»

Геннадий Афанасьевич нервно свинтил с бутылки крышку, жадно приложился к горлышку и выпил водку, оставив немного на донышке.

«Это на посошок», – подумал Реджаковский и привычным жестом завинтил крышку.

Напряжение стало понемногу отпускать, мысли легко понеслись в голове Геннадия Афанасьевича.

– Лицо. Лицо выдает, – едва слышно сказал Реджаковский, глядя на собственное отражение в зеркале.

Он достал из чемоданчика маленькую пудреницу с поролоновым пуфиком. Пара отработанных до автоматизма движений, и гримирование было завершено. Тон пудры был немного светлее, чем раскрасневшееся лицо худрука, и темные круги под глазами сменили белесые пятна под нижними веками.

«Так лучше», – подумал Геннадий Афанасьевич, сложив свои пожитки в потайной кармашек чемоданчика, свел створки и застегнул «молнию».

Часы показывали пятнадцать минут одиннадцатого, когда художественный руководитель театра вновь перешагнул порог приемной Брызгунова.

– Вас уже спрашивали, – секретарша с нескрываемым удовольствием произнесла эти слова. – Пройдите к министру в кабинет.

Реджаковский подошел к двери и потянул за ручку.

Аркадий Михайлович Брызгунов, невысокого роста молодой мужчина, сидел на своем рабочем месте. Напротив него за длинным столом, примыкающим к столу министра в форме буквы Т, расположились две сотрудницы министерства, начальники отделов. При появлении художественного руководителя обе женщины перевели взгляды с бумаг, разложенных перед ними на столе, на вошедшего Реджаковского.

– Здравствуйте, Геннадий Афанасьевич, присаживайтесь, – сухо произнес министр, указывая на один из стульев за столом для посетителей, – Юлия Павловна, я подпишу сметы. Возьмете их у Лады и отправляйте в Министерство финансов, не задерживайте. Править больше ничего не будем. Все, у меня больше к вам вопросов нет. И скажите секретарю, чтобы не впускала никого. Я занят.

Женщины послушно удалились, и Аркадий Михайлович остался один на один с Реджаковским. Последний робко опустился на предложенный ранее стул.

– Мои соболезнования театру, Геннадий Афанасьевич! – начал министр, когда дверь за его подчиненными закрылась.

Брызгунов встал из-за стола и направился к окну. Строгий, с иголки деловой костюм сидел на нем безупречно. Аркадий Михайлович поправил пиджак и встал у окна спиной к Реджаковскому.

– Неожиданно... и трагично!..

– Да, Аркадий Михайлович! Это все действительно ужасно! – машинально повторил Геннадий Афанасьевич.

На несколько секунд в кабинете воцарилась тишина. Затем Аркадий Михайлович вполоборота развернулся к Реджаковскому и стал неспешно передвигаться по комнате вдоль стола, заложив за спину обе руки.

– Ужасно, Геннадий Афанасьевич. Вы правы... Но должен вам признаться, у меня давно появлялось желание обсудить с руководством театра, многие вещи! У министерства, поверьте, помимо вашего театра достаточно дел. Руки не доходили! Мы все думали, что то, что происходит в театре, – это временное явление, что администрация театра оценит отношение к себе министерства. Но теперь, когда события приобретают уголовный оттенок!..

Геннадий Афанасьевич с серьезным лицом внимательно наблюдал за движениями министра и мысленно благодарил себя за то, что успел-таки перед визитом к министру заглянуть в уборную. Живительные сто граммов уже оказывали свое расслабляющее действие.

– То, что произошло, – это не просто большая трагедия для театра! Это еще и удар по репутации министерства. А значит, и вся вверенная нам сфера находится под ударом! Я, Геннадий Афанасьевич, вынужден говорить об этих вещах в такой день! Начнем с того, что там у вас произошло сегодня ночью! Я вас слушаю!

Реджаковский нервно сглотнул.

– Сегодня ночью... Был убит Юрий Юрьевич. – Геннадий Афанасьевич замаялся.

– Да-да, я вас слушаю, говорите. – Брызгунов продолжал медленно перемещаться вдоль стола.

– Утром мне позвонили из театра и сообщили, что Равец погиб. Обнаружил труп сторож. Убили его прямо в кабинете, но кто убил, почему, это все мне неизвестно... Я сам ничего не знаю...

– Ну, это, положим, и не наша забота. На то есть следственные органы, которые, я надеюсь, сделают правильные выводы... А вот что касается вашего выражения «я сам ничего не знаю...», Геннадий Афанасьевич! Руководителю учреждения, подобному вашему, следовало бы избавляться от таких несолидных формулировок! Вы должны... Нет, вы просто обязаны знать все, что происходит во вверенном вам учреждении... Вы – уважаемый человек. Актер с почти сорокалетним стажем... Человек, по определению, призванный замечать детали. Более пяти лет вы руководите творческой деятельностью театра и из них два года работали в связке с Юрием Юрьевичем! Вы прекрасно знаете ваш коллектив, отношения внутри коллектива... И сейчас вы говорите мне, что ничего не знаете. Во-первых, мне сложно в это поверить, Геннадий Афанасьевич. А во-вторых, вы просто обязаны знать. Что я должен подумать, скажите мне? Напрашиваются два варианта: либо вы по какой-то причине недоговариваете мне всей правды о том, что у вас там происходит в театре, либо действительно вы устали руководить. Тогда, может быть, мне подыскать вам замену?

Реджаковский вздрогнул. Он нервно заерзал на стуле. Кожаная обивка сиденья заскрипела под тяжестью тела Геннадия Афанасьевича.

– Ну, зачем вы так, Аркадий Михайлович?.. – лицо Реджаковского вытянулось.

– Вот и мне бы не хотелось! Меня тоже устраивает, что театром руководят люди, не первый год мне известные, проверенные, так сказать, – продолжил министр. – Но для того чтобы я продлил с вами контракт... А это время уже не за горами. Перед Новым годом мы будем вызывать всех руководителей подведомственных нам учреждений с целью переоформления трудовых договоров... Так вот, для того чтобы я мог назначить вас и дальше руководить творческой деятельностью театра, я должен быть уверен, что коллективом руководит человек, способный держать руку на пульсе! И при этом... готовый оказать министерству всяческое содействие в осуществлении наших совместных планов.

Брызгунов вплотную подошел к столу, за которым сидел художественный руководитель, и, встав напротив, оперся руками о столешницу. Геннадий Афанасьевич невольно обратил вни-

мание на коротенькие, с аккуратно остриженными ногтями пальцы министра. Аркадий Михайлович стал барабанить ими по столу, выстукивая четкий ритм.

– Тогда, со своей стороны, я могу гарантировать поддержку, какой бы, так сказать, сложной ни оказалась ситуация в театре...

Министр развернулся на каблуках и пошел к своему рабочему месту. Огромное обтянутое коричневой кожей кресло на колесиках слегка скрипнуло и подалось назад.

– Давайте проверим прямо сейчас, насколько серьезные у нас с вами перспективы в плане дальнейшего сотрудничества. Для начала доложите мне о сложившейся в театре ситуации! Такой, какая она есть. – Министр замолчал на минуту и после добавил: – Вы сами когда в последний раз видели Равца?

– В субботу вечером. Вчера я Юрия Юрьевича даже не видел. А убили его сегодня ночью. Вчера у нас был вечерний спектакль. Я был в театре, но так как я в спектакле занят сам... во втором акте... Я прихожу ко второму акту и сразу в гримерку. А потом за кулисы. В дирекцию я даже не зашел. После спектакля я заглянул в буфет. Еще обратил внимание, что дверь у Равца закрыта. То есть его в театре не было... А утром мне этот звонок... Сторож делал обход и обнаружил, что Юрия Юрьевича убили. Василий Михайлович мне и позвонил.

– То есть вы не видели его в день убийства? – уточнил министр.

– Нет. Как я и сказал, последний раз мы общались с Равцом в субботу. У нас также вечерний спектакль был. Я перед началом зашел к Юре. Он обычно всегда в театре перед началом спектакля бывает. Мы выпили по чашечке кофе у него в кабинете. Обсудили предстоящую сдачу Островского и попрощались... И больше я Юру не видел.

– Ну а в театре, может, кто-нибудь заметил у Равца какого-нибудь необычного посетителя или еще что-то?

– Трудно сказать. Надо поговорить с людьми! Но думаю, что нет.

– Вы, как художественный руководитель, наверняка знаете все подводные течения, так сказать... В каких Равец был отношениях с подчиненными, тоже наверняка знаете. Может быть, вы можете хотя бы предположить, кому была нужна смерть этого человека? Кому он был особенно неприятен?

– Были, конечно, люди, недовольные политикой директора. Это понятно. В основном актеры. – Реджаковский потер подбородок. Он явно волновался.

Голос министра прервал ход его мыслей:

– Так вот, когда вы будете говорить с представителями милиции, не забудьте детали! Постарайтесь вспомнить все. Я, как министр, в первую очередь заинтересован в том, чтобы знать всю правду. Юрий Юрьевич был хорошим директором. И мне сложно будет найти ему замену. Вы ведь понимаете, Геннадий Афанасьевич, что теперь, в отсутствие первого лица в театре, директора, вы представляете учреждение. Кроме того, вы несете ответственность за все, что там происходит. И особенно я бы хотел, чтобы вы обратили внимание на дисциплину, – министр, не отводя глаз, смотрел в лицо Реджаковскому. – Вы не думайте, Геннадий Афанасьевич, что если из министерства нет, так сказать, нареканий, то здесь ничего и не знают о том, что там у вас делается в театре! О том, что в театре давно стала падать дисциплина, говорят уже все вокруг. И мне сдается, что то ужасное событие, которое произошло в театре вчера, является следствием общего беспорядка, если так можно выразиться... То, что у вас лично с директором были последнее время конфликты, тоже стало общеизвестным фактом.

Реджаковский побледнел.

– Как говорится, о покойных либо хорошо, либо никак, – пролепетал он. – Юрий Юрьевич, безусловно, был руководитель опытный и с театром знакомый, что называется, изнутри... Но, к сожалению, на мой взгляд, он несколько превышал свои должностные обязанности. По Уставу за весь творческий процесс отвечаю я. Но реально Юрий Юрьевич в последнее время стал контролировать буквально все. И вопросы, касающиеся творчества в том числе.

– Почему вы говорите мне об этом только сейчас? Вашей прямой обязанностью было доложить в министерство о том, что происходит. А в чем это выражалось, вы можете привести конкретные факты? – Аркадий Михайлович оттолкнулся ногами от пола и вместе с креслом на колесиках откатился назад.

– В прошлом году в творческий план работы театра была включена постановка спектакля по пьесе Михаила Булгакова. И еще четыре спектакля. Два детских и два современных авторов, рассчитанные преимущественно на молодежную аудиторию. Дирекция, насколько мне было известно, была против постановки пьесы Булгакова, но художественный совет настоял, и пьесу включили в сметы. Но реально мне даже не дали приступить к репетициям. На протяжении всего театрального сезона я заваливал дирекцию служебными записками с просьбой издать приказ о начале репетиций.

Геннадий Афанасьевич не на шутку распалился. Он подался вперед и навис всем корпусом над столом. Он не заметил, как Аркадий Михайлович встал из-за стола и снова стал расхаживать по кабинету.

– Так, так, – подбадривал министр Реджаковского.

Он курсировал по комнате из одного угла в другой вдоль стенки. Услышав голос Брызгунова у себя за спиной, Геннадий Афанасьевич вздрогнул и посмотрел назад.

– Продолжайте, – повторил министр. – По какой причине Равец, как вы говорите, не разрешал вам приступить к спектаклю? Смета была оформлена правильно? Проекты договоров на режиссера, композитора?..

– Все документы были в порядке. Вернее, как?.. Всегда можно найти, к чему придраться. Смета была. Экспликацию я тоже предоставил. Сначала урезали почти наполовину смету...

– Простите, что прерываю, но какая сумма у вас там была?

– Около семисот тысяч...

– Ну, это немалые деньги! – живо отреагировал Брызгунов.

– Я Юрию Юрьевичу сразу назвал несколько пунктов, по которым можно было подвигнуться, – начал оправдываться Реджаковский. – Декорации минимальные, часть реквизита из подборки... Да что там говорить теперь!

– В конечном счете, насколько мне известно, в театре начали репетировать Булгакова, – Аркадий Михайлович подошел к своему рабочему столу и снял с телефонного аппарата трубку.

– Да, действительно начали. Две недели назад. Но с приглашенным из другого театра режиссером и в несколько ином актерском составе...

– Лада, пригласите мне Олега Павловича в кабинет, пожалуйста... Да, прямо сейчас, – сказал министр в трубку и снова обратился к собеседнику: – Насколько мне известно, Юрий Юрьевич вел переговоры с одним очень интересным режиссером из провинции. Это тот самый человек?

– Ну, интересным его действительно можно назвать. Он поставил потрясающее шоу с обнаженными актерами по пьесе Шекспира в одном из театров... не помню, где точно. В роли Джульетты у него выходила немолодая особа...

– Я прошу прощения, но давайте не будем удаляться от темы. У меня еще две встречи перед совещанием в правительстве, – поторопил Реджаковского министр.

– Я только хочу сказать, что задумка этого режиссера в отношении нового спектакля не имела никакого отношения к творческому направлению театра. И я даже рад, что в конечном итоге репетиции отменили.

– Я, Геннадий Афанасьевич, вас услышал. И по-прежнему остаюсь убежденным в том, что Равец был человеком с прекрасным деловым чутьем. Его профессиональное актерское образование давало основание в полной мере полагаться и на его, так сказать, понимание вашей творческой концепции. Но не будем сейчас вдаваться в подробности творческого процесса. Я должен еще раз вас предупредить, что сейчас, после убийства Равца, и к театру, и к мини-

стерству будут проявлять повышенное внимание. На вас ложится вся ответственность за дисциплину. То есть фактически за все, что происходит в коллективе. В театре дисциплина, как говорил Станиславский, – это главное. Так?

Реджаковский безмолвно кивнул.

– Да, и по Уставу театра, как вы, наверное, помните... – начал министр, но его речь прервал тихий стук в дверь.

В кабинет заглянул седовласый мужчина в очках.

– А, вот и Олег Павлович. Проходите, проходите. Вы как раз вовремя. Поприсутствуйте при нашем разговоре.

Меньшинский, первый заместитель министра, коренастый мужчина лет пятидесяти, молча прошел в кабинет. Проходя мимо Геннадия Афанасьевича, он слегка склонил голову, выражая соболезнование и приветствие одновременно.

– Так. На чем мы остановились? За климат в коллективе несет ответственность художественный руководитель... Это так, Олег Павлович?

Меньшинский, занимая место напротив Реджаковского, кивнул.

– Конечно, за творческую обстановку всегда ответственен художественный руководитель, – сказал он. – И насколько я помню, Геннадий Афанасьевич озвучивал нам на недавнем ежегодном слете работников культуры какие-то свои творческие проекты. Так что коллективу есть чем заняться.

– Кстати, – прервал своего заместителя Брызгунов. – Геннадий Афанасьевич, какие у вас на ближайший месяц в отношении творческой работы планы?

– Я бы хотел заняться одним из сложных проектов, который, кстати, и по мнению Равца, должен был принести еще и деньги. Я хотел на базе театра открыть специализированный театральный курс для обучения иностранцев сценическому искусству. Есть готовые сметы этого проекта...

– Это все тема другого разговора. Я еще раз повторю, – продолжил Брызгунов. – Я не намерен расставаться с людьми, проверенными за многие годы работы, просто так, если на то не будет веских причин. Я подчеркиваю, что заинтересован в том, чтобы оставить все, как есть. Но для этого от вас потребуется предельная концентрация сил. Один только промах может стать для театра и для министерства роковым! Вы не думайте, Геннадий Афанасьевич, что я только с вами говорю на эту тему. Теперь подобный разговор состоится с каждым руководителем, потому что министерству никто больше не простит никаких, даже самых мелких, ошибок!

Министр встал и прошелся по кабинету за спиной у Реджаковского, а затем, поравнявшись с художественным руководителем, остановился в полуметре от его стула.

– Олег Павлович, жизнь не стоит на месте, и нам с вами все равно придется решать насущные проблемы. Пока представитель театра здесь, в министерстве, давайте обсудим возможные варианты, так сказать, на пост директора театра.

– Вы, Аркадий Михайлович, хотите, чтобы Геннадий Афанасьевич тоже принял участие в обсуждении? – переспросил Меньшинский.

– Конечно, Геннадий Афанасьевич может сказать свое слово по поводу назначения директора.

– Я бы предложил Виктора Максимовича Михайлова. Очень перспективный руководитель. Давно занимает пост заместителя Равца. Театр знает, как никто лучше.

– А вы что скажете, Геннадий Афанасьевич? – Брызгунов вернулся за свой стол и сел в кресло, свободно откинувшись на спинку.

– Ну, в общем... Виктор Максимович действительно человек опытный, по-моему, грамотный... Я бы не стал возражать.

– Какие у вас с ним отношения? – уточнил министр.

– Деловые. Мы нормально общаемся. Думаю, могли бы найти общий язык.

– Хорошо. Геннадий Афанасьевич, я еще раз прошу вас отнестись с вниманием к моим словам и принять все, о чем мы здесь сегодня говорили, на заметку. Сейчас можете быть свободны, а мы с Олегом Павловичем еще обсудим кое-какие дела.

Реджаковский с облегчением вздохнул, поднялся со стула и, попрощавшись, вышел из кабинета.

– Лада, налейте-ка нам по чашечке кофе, – Брызгунов набрал номер внутренней связи своей секретарши сразу, как только художественный руководитель покинул кабинет. – Вы же не откажетесь от чашечки, Олег Павлович? И сядьте поближе.

– Спасибо, с удовольствием, – ответил Меньшинский и пересел на стул, который стоял вплотную к столу министра.

– Ну, что вы думаете по поводу сложившейся ситуации? – напрямик спросил своего зама Брызгунов.

– Да уж! Равец, что ни говори, был человек опытный. Но я честно скажу вам, Аркадий Михайлович, мне кажется, Михайлов – перспективный кадр. У него должно получиться. Справится, я думаю.

Брызгунов открыто улыбнулся.

Глава 3

– Как тебе сказать, Лева? – Мария театрально развела руки в стороны и тут же вновь сложила их на манер примерной первоклассницы. – Я – актриса. Понимаешь, что это значит?

– Не совсем, – признался Гуров. – Поясни.

Он видел, что супруга чувствует себя крайне неловко, сидя с ним за одним обеденным столом лицом к лицу. И догадывался почему. В подобной ипостаси Мария Строева наблюдала своего мужа впервые. Любящий, внимательный и обходительный, он никогда не делился с ней своими проблемами на работе. Даже в те моменты, когда был особо загружен и пребывал в мрачном настроении. А теперь его работа невольно соприкоснулась с ее. И Мария видела перед собой сыщика. Серьезного, делового и сосредоточенного на интересующем его вопросе. Профессионала до мозга костей.

– Я хочу сказать, что я – человек творческий. И в первую очередь меня интересует именно творчество. Я не соприкасаюсь ни с административными, ни с хозяйственными, ни с какими-либо еще делами театра. Вот если бы ты попросил меня рассказать о ком-нибудь из актеров, например, или о режиссерах – это один вопрос... Даже о Реджаковском...

– Кто это? – прервал жену Гуров.

– Реджаковский? Это наш художественный руководитель. Будем так говорить, второй по значимости человек в театре. После Равца. На нем держится вся творческая часть...

Мария хотела добавить к этим словам еще что-то, но Гуров снова перебил ее. Пустые разглагольствования на театральные темы, к которым жена имела немалую склонность и которые в любой другой момент полковник выслушал бы с неподдельным участием и понимаем, сейчас его мало интересовали.

– Второй человек, говоришь? – переспросил он. – А теперь что же получается, Маша? После гибели Равца он автоматически становится первым?

– Нет. Конечно, нет, Лева, – Строева смешно сморщилась. – Неужели ты совсем в этом не разбираешься? Я столько рассказывала тебе... Ты меня не слушал?

– Ну что ты. Слушал, разумеется. Просто запомнил, наверное, – полковник улыбнулся.

– Эх, ты! А еще сыщик! – Мария вернулась в присущее ей жизнерадостное состояние, и напряжение в разговоре спало. – Хорошо, я расскажу тебе все еще раз, если хочешь. Второй человек – это условно. Под Реджаковским, как я сказала, только творческая часть. И ничего больше. Четкое разделение функций, Лева. Он никогда не потянет того, чем занимался Равец. Да и не собирается этого делать. Понимаешь? Для этого есть другие люди. Как бы это поточнее выразиться?... Более приземленные, что ли. А Реджаковский... Он человек искусства. Он весь в себе. Он парит. Только в последнее время его, конечно, заносит не туда...

– Как это?

Гуров привычно потянулся к карману за сигаретами, но в последний момент передумал и положил руку на стол. В присутствии жены полковник старался курить по минимуму. Насколько это было возможно.

– Стар он уже стал, – откровенно поделилась своими мыслями Строева. – Маразматичен... В высоком смысле этого слова...

– А у этого слова бывает и такой смысл? – с улыбкой поинтересовался Гуров.

– В нашей среде бывает. Отсюда у Геннадия Афанасьевича и все проблемы. И лишнего стал закладывать за воротник, и вечные дразги с администрацией.

– И с Равцом?

– В первую очередь с Равцом.

– А вот с этого момента поподробнее, – попросил полковник. – На чем основывались эти его дразги с Равцом?

Мария непринужденно рассмеялась, и это слегка смутило супруга.

– Да нечего тут рассказывать поподробнее, Лева, – она подалась вперед и игриво подмигнула. – Ты прямо как ребенок! Обычное в театральной среде дело. Равец худруку то смету зарежет, то спектакль, которым тот особо гордился, из репертуара выведет, то какой-нибудь репетиционный процесс приостановит. Вот тебе и причины для конфликтов.

– А почему он так делал? – мрачно спросил Гуров, понимая, что разобраться в специфике работы театра будет для него не так уж и просто, как казалось на первый взгляд. – Я имею в виду Равца.

– Потому что его как раз в первую очередь интересует не искусство, а деньги, – пояснила Мария. – В театрах всегда так. Мы думаем, что несем людям прекрасное, доброе, вечное, а для стоящего во главе театра руководства – это не более чем бизнес...

Она замолчала.

– Ясно, – протянул полковник. – Ясно, что ничего не ясно. Ну, хорошо. А что ты можешь рассказать мне о самом Равце? Что он был за человек? По жизни?

Мария поднялась из-за стола и стала неторопливо собирать оставшуюся после обеда посуду. Пустила воду в раковину. Гуров смотрел ей в спину. Некоторое время тишину нарушал только звук льющейся воды, а затем жена, обдумав что-то, заговорила:

– О том, что он был «голубой», я думаю, тебе уже известно? Так? В театре эта тема очень долго и очень часто муссировалась. Равец не гнушался принимать у себя в кабинете бойфрендов. К нему часто кто-нибудь приходил, и, глядя на этих молодых людей, сразу становилось понятным, какой они сексуальной ориентации. Все было написано на лицах. Да, и не только на них. Манера поведения, жесты, голос... Они уходили в кабинет Равца, и что там происходило на самом деле, никто, конечно, не знал... Тебе нужны слухи? – Мария повернула голову.

– Нет, слухи передавать не надо, – решительно отказался Гуров. – Я уже догадался, о чем они. Лучше скажи, насколько они соответствуют действительности.

– Откуда мне знать? Я свечку не держала.

– А ты знаешь кого-нибудь из тех, кто приходил к Равцу?

– Лично нет. Преимущественно это были его старые друзья. Школьные, министерские... И так называемые спонсоры. Готова даже предположить, что некоторые из них в действительности и являлись спонсорами. И если не для театра, то лично для Равца – точно, – Мария больше не поворачивалась лицом к мужу. Откинув назад волосы, она взяла мягкую губку и принялась мыть посуду. – Что еще тебе про него сказать? То, что он любил деньги, я уже сказала...

– Какие отношения у него были с Михайловым? – спросил Гуров.

– С Виктором Максимовичем? Как это ни странно, чисто деловые. Хотя, может быть, когда-то раньше... Я не знаю, Лева. Опять же не хочу повторять ту грязь, которую постоянно говорят про людей наши сотрудники. Михайлов – сам по себе человек ничего. С ним можно ладить. Равец, тот пожестче был. Но я повторяю, Лева, я – актриса, и мне редко приходилось общаться с кем-то из администрации. Постольку-поскольку...

– Михайлов автоматически идет на место Равца?

Гуров все-таки не выдержал и пристроил во рту сигарету. Щелкнул зажигалкой. Сизый дым тоненькой струйкой потянулся к потолку.

– Это будет решать министерство, – вымытую посуду Мария тщательно вытирала и по заведенной привычке складывала сразу в шкафчик. – Но если у них не будет более подходящей кандидатуры, они, конечно, поставят Михайлова. Во всяком случае, временно исполняющим обязанности. А ты что, его подозреваешь?

– Пока нет, милая, – Гуров взглянул на часы и поднялся из-за стола. – Спасибо тебе за информацию. Если что-то понадобится, я снова обращусь к тебе.

– Всегда пожалуйста, – Мария выключила воду и обернулась: – Ты уезжаешь?

– Да. Пора. Кстати, я еду к тебе в театр. Тебе не нужно на работу?

– Репетиционный процесс остановлен. У меня только вечером спектакль.

Гуров переложил сигарету в левую руку, подошел к жене, нежно обнял ее и поцеловал в щеку. Затем вышел из кухни, на ходу застегивая пуговицы пиджака.

– Проводишь, Мусь? – крикнул он из коридора супруге.

– Я тут, милый. Зачем спрашиваешь, как будто может быть другой ответ.

Гуров наклонился, чтобы завязать шнурки ботинок, и не видел, что жена стоит рядом в коридоре, прислонившись к платяному шкафу.

– Скажи, а ты, случаем, не знаешь, где живет этот ваш... Реджаковский?

– Худрук? Точно не знаю, но, кажется, где-то рядом с театром. Если я не ошибаюсь, его дом примыкает к театральному парку. Но лучше уточнить. Хочешь, я позвоню в отдел кадров?

– Да нет, не стоит. Я сам.

– Хорошо, как скажешь, – Мария подошла к мужу и еще раз поцеловала его на прощание. В подъезде, спускаясь по лестнице, полковник набрал номер телефона Крячко.

– Ты где?

– Я-то на работе, а вот ты где?

– Ну, хватит, Стас. Ты что делаешь? – Гуров был явно не расположен к шутливому тону, однако напарника это нисколько не смущало.

– Рисую.

– Понял. Что, уже готово?

– Да, Лева, все готово. Фоторобот составлен. Он у меня. Один экземпляр у тебя на столе.

Весьма миленькое личико, ты знаешь...

– Показывал кому-нибудь?

– Помилуй, Лев Иванович, – взмолился Крячко. – Я еще даже не обедал...

– Подожди, Стас, появилась одна маленькая зацепочка. – Гуров вышел во двор и двинулся в направлении парковки, где он оставил свой «Пежо». – Некий Реджаковский. Тебе не встречалась эта фамилия?

– Нет. Кто он такой?

– Второй после директора руководитель. У них с Равцом было паритетное якобы руководство. Как на производстве. Есть генеральный директор, а есть технический. Мне жена сказала, что у этого Реджаковского были постоянные трения с директором. Я хочу сейчас поехать в театр. Ты готов?

– Да, но только после того, как поем.

– Я заеду за тобой в управление. Будь готов.

– Понял. Идет.

Гуров сел за руль своего автомобиля и менее чем через полчаса прибыл в управление. В кабинете еще сохранялся аромат копченой курицы и свежих огурцов. Крячко, сидя за своим столом, наливал в кофейную чашку кипяток.

– Сколько можно есть? – Гурова искренне удивляла способность напарника растягивать удовольствие от вкушаемой пищи.

– Ты будешь? – Станислав кивком показал на пластиковые контейнеры с курицей и салатом, расставленные на столе.

– Я из дома.

– Ладно, не унижай. Столовая пища, между прочим, за неимением другого – тоже ничего. Не дает двинуть коньки.

– Мы едем? Или ты еще десерт будешь? Кофе там, пирожные...

– От десерта не откажусь.

– Стас, умоляю тебя, может, в машине доешь?

– Ладно, ладно. – Крячко взял со стола целлофановый пакетик с печеньем и, аккуратно скрутив жгутом верх пакетика, приготовился выйти из кабинета. – Хочешь, тебя тоже угощу. Печенье «суворовское».

– Пошли, – Гуров подошел к рабочему столу и взял только что составленный коллегами фоторобот.

– Слушай, с нами Васютин хотел ехать. У него копии портретов. Сейчас я за ним схожу.

– Я спускаюсь вниз, встречаемся в машине, – бросил Гуров и вслед за Крячко вышел из комнаты.

На лестнице парадного крыльца Крячко с майором милиции Евгением Васютиным догнали Гурова.

– Спасибо, Лев Иванович, что взяли с собой. Вы уже видели, какой портрет получился? – Васютин продемонстрировал полковнику увесистую пачку копий листов с черно-белым изображением мужского лица. – Свидетели говорят, получилось один в один.

– Ты нам дашь парочку? – спросил Крячко, усаживаясь на переднее пассажирское кресло в автомобиле.

– Держите. – Васютин протянул полковнику несколько копий.

– А ты зачем в театр, Жень? – поинтересовался Гуров.

– Я как раз с портретом хочу поработать. Поговорю с людьми. Уже можно будет кому-то на опознание оставить. А вдруг кто его опознает? Если этот человек часто приходил... А тем более, если он спонсор театра...

– Скажи, а ты опрашивал сегодня свидетелей? – Гурову было хорошо видно в зеркало заднего вида лицо майора. Васютин кивнул.

– Что собой представляет Реджаковский?

– Лев Иванович, боюсь, что я уже уехал составлять фоторобот, когда с ним беседовали. Это художественный руководитель, если я не ошибаюсь.

– Да-да, он самый.

– Нет, я его не дождался, Лев Иванович. В театре оставался Лисовский – участковый. Скорее всего, он Реджаковского и опрашивал.

– Ну да ладно! Разберемся на месте!

Гуров сильнее надавил на педаль акселератора и перестроил «Пежо» в крайний левый ряд. Через двадцать минут все трое прибыли к служебному входу театра. Дверь, как и утром, оказалась закрытой. На звук подъезжающей машины из-за желтой занавески на окне высунулось незнакомое сыщикам лицо пожилой женщины. Гуров сделал ей знак рукой, чтобы их пропустили в помещение. Через несколько секунд дверь отворилась. Женщина высунула на улицу голову и недоверчиво осмотрела с ног до головы неожиданных посетителей.

– Главное управление уголовного розыска, – представился Гуров. – Скажите, Реджаковский на месте?

– Нет.

– Разрешите, мы пройдем в отдел кадров.

Женщина отступила назад, пропуская следователей внутрь помещения.

– А вы чего хотели-то? Вон его дом, Реджаковского.

Гуров и Крячко повернулись к вахтерше.

– Вон, за театром. В четыре этажа дом. Он там живет. Третий этаж. Как войдете, налево. Дверь еще такая... кожей малинового цвета обита.

– Это точно? – переспросил Крячко.

– Да что ж я, врать, что ли, буду уважаемым людям? Я на первом этаже там живу. Этот дом когда-то как общежитие театральное строили...

– Ну что, пойдем сразу? – Гуров посмотрел на напарника. Тот кивнул.

– А вы же вахтер, как я понимаю? Василия Михайловича меняете? Да? – спросил Крячко, разворачивая сложенный вчетверо листок с фотороботом. – Этот человек вам знаком?

– Дайте-ка, дайте! – женщина прищурила единственный зрячий глаз – второй у нее был прикрыт постоянно – и, вытянув руку с листочком, внимательно посмотрела на изображение. Поморщившись, она отрицательно покачала головой. – Нет... Незнаком.

– Никогда не видели этого человека?

– Нет. Не припомню. Да я ведь не вижу ничего толком... А что, это убийца тот самый, да?

– Это фоторобот человека, которого нам нужно найти, – отрезал Крячко.

– Вы помните, квартира у Реджаковского какая? – вклинился Гуров. – Номер можете назвать?

– Шестая квартира.

Гуров посмотрел на напарника.

– Пойдем?

– Пойдем.

Крячко, ближе напарника стоявший к входной двери, наклонился к замку и отодвинул щеколду.

– Удачи вам, – бросил Лев Иванович Васютину.

Майор стоял в стороне, дожидаясь результата разговора сыщиков с вахтершей. Попрошавшись с коллегами, он скрылся в темном коридоре, ведущем в глубину здания.

– Ну и заведение! Сторожа у них ничего не видят, мужики все... странные какие-то, – сетовал Крячко, едва поспевая за напарником.

Гуров решительным шагом пошел в сторону дома, на который указала женщина.

– Этот дом, да?

– Да.

– Ну, и пошли тогда.

Следователи поднялись на третий этаж. Действительно, одна из двух дверей, выходивших на лестничную клетку, была обтянута темно-малиновым кожзаменителем. Отыскав звонок, Гуров вдавил кнопку. Спустя минуту им открыли.

Перед следователями предстал толстый, с седой головой и округлым покрасневшимся лицом уже немолодой мужчина.

– Мы из Главного управления по расследованию особо важных преступлений, – представился Крячко, опережая напарника.

– Особо важных преступлений... – повторил мужчина и отошел в сторону, пропуская посетителей в глубь квартиры.

– А вы вот так, не спрашивая, открываете. Не боитесь? – поинтересовался Крячко, снимая на коврике около входной двери обувь.

– А чего нам бояться? Это они пусть боятся. А у нас ни денег, ни связей. Гол как сокол! Вот, – Реджаковский повел рукой, показывая на скромное убранство квартиры. – Это все наше богатство. Да вот, голос еще. А что еще актеру нужно?

Бархатный баритон художественного руководителя звучал мягко и тихо.

– Куда вы нас пригласите? – спросил Гуров, осматриваясь вокруг.

Одна из дверей коридора вела прямо в крохотную кухню, вторая, которую, составляли две резного дерева створки, открывала проход в гостиную.

– Да вот в зал, пожалуйста, проходите! – любезно предложил Геннадий Афанасьевич.

Сыщики тут же прошли в комнату и разместились на низеньком диване.

Зал был небольшим и довольно уютным. На толстом ворсистом ковре на полу стояло огромное деревянное кресло-качалка. На одном из подлокотников, небрежно спадая на пол, висел шерстяной плед. Вплотную к креслу был придвинут стеклянный журнальный столик на колесиках, на верхней полочке одиноко возвышалась пустая рюмка.

Гуров занял место напротив кресла-качалки. Реджаковский подошел было к креслу с явным намерением устроиться на насиженном месте, но передумал. Геннадий Афанасьевич взял одеяло, сделал несколько шагов назад и выдвинул из-за стола единственный в комнате стул. Затем сел на него, развернувшись вполоборота к гостям.

– Ревматизм. Я теперь без этой тряпки не могу. Кости уже не те, – худрук обернул пледом колени и посмотрел на сыщиков, ожидая от них вопросов.

– Вам часто приходилось по службе общаться с Равцом?

– Я все делал, как в Уставе театра написано, – поведал Реджаковский. – Без директора я не мог принять самостоятельно ни одного решения. Судите сами, назначение на роль – подпись директора, денежное поощрение кого-то из сотрудников творческого звена – подпись директора... Даже творческие планы в конечном итоге подписывал директор. Поэтому я постоянно обращался к Юрию Юрьевичу, чтобы, как сейчас говорят, перетрясти рабочие вопросы.

– То есть вы тесно сотрудничали?

– Приходилось.

– Почему приходилось? Это было для вас обременительно? – Гуров не сводил взгляда с художественного руководителя.

– Мы с Равцом никогда не выказывали друг другу неприязнь, – честно ответил Реджаковский. – Он был действительно очень опытным человеком в административных вопросах, несмотря на свой молодой возраст. Что ни говори, он умел грамотно вести бумажные дела... Насколько я мог судить. И потом, я действовал исключительно в рамках закона. Устав театра...

– Я не понял, – прервал опрашиваемого Гуров. – Вы же тоже руководитель. А по вашим словам получается, что вы каждый вопрос должны были согласовывать с Равцом. В чем же тогда заключается ваше руководство?

– Ну, как! Вы понимаете, театр – это в первую очередь творчество. А это процесс бесконечный. Актеры – люди с большим воображением и жизненной энергией... По крайней мере, так должно быть. Если процесс творения не регламентировать никак, то в театре начнется, так сказать, анархия. Кто-то должен следить за тем, чтобы актеры вовремя приходили на репетиции, чтобы были равномерно загружены в репертуаре... Я не знаю, вам, наверное, такие тонкости не нужны.

– Нужны, нужны, – отозвался Гуров. – Нам все нужно. Мы вас остановим, если что. Вы ведь уже давали сегодня показания, Геннадий Афанасьевич. Вы сейчас можете точь-в-точь повторить все, как говорили ранее. Можно и добавить что-то, если посчитаете нужным. Мы ведь без протокола. Можно сказать, у нас неофициальная беседа.

– Кстати, а у вас закурить здесь можно? – вклинился в разговор Крячко.

– Да пожалуйста. Курите. Пепельница должна быть где-то там... – Реджаковский показал на прогал между подлокотником дивана со стороны Крячко и торшером. – Не считите за труд...

Крячко опустил руку за высокий подлокотник, нащупал на полу пепельницу, взял ее и поставил перед собой на журнальный столик.

– Вы меня простите, молодые люди, но в таком случае я выпью!

Геннадий Афанасьевич встал со своего места, подошел к окну, отодвинул занавеску и взял с подоконника непонятно как оказавшиеся там наполовину початую бутылку водки и блюдо с нарезанными дольками солеными огурцами. Затем подошел к креслу-качалке. Подвинул его так, чтобы, сидя в нем, можно было видеть обоих собеседников. Бутылку Реджаковский поставил на журнальный столик рядом с рюмкой.

– Если вы не против...

Художественный руководитель расстелил плед на сиденье и тяжело опустился в кресло.

– Вы будете? – спросил он сыщиков, устроившись напротив.

– Нет, спасибо, – ответил Гуров и вслед за Крячко тоже прикурил сигарету.

– Скажите, я правильно вас понял? Реально получается, что вы только на бумаге руководили вместе?

– У меня есть Устав, которым я руководствуюсь. По Уставу официальным представителем театра в организациях, государственных органах был Юра.

Реджаковский налил в рюмку водку и отставил бутылку в сторону. Затем опрокинул содержимое рюмки в рот, поморщился, подцепил вилкой кусочек соленого огурца и с удовольствием захрустел им.

– На самом деле, – продолжил он, дожевывая, – я, так сказать, отвечаю за творческий процесс. Ну, вношу свои предложения по новым постановкам, беседую с актерами перед тем как кого-то нового взять в труппу, отсматриваю их работы в других театрах, беседую вживую... Так что, делаю все, что нужно для осуществления творческого процесса.

– А право подписи на документах было только у Равца?

– Да, приказы мог подписывать только Юра. Я, так сказать, только формально ставил свою подпись: «Согласовано».

– А были у вас с Равцом какие-то разногласия? – спросил Крячко.

– Сказать, что не были, будет неправильно. Вам любой подтвердит, что по творческим вопросам мы часто с Юрием Юрьевичем придерживались разного мнения. А в последнее время я вообще не мог понять, что с ним происходит. Я по натуре человек неконфликтный. Не могу я постоять за себя. Тем более что Юра последние несколько месяцев вообще как с цепи сорвался. Любое мое предложение, а особенно касающееся той части, в которой мы с ним были не согласны, он принимал едва ли не как личное оскорбление. Он мне фактически не давал работать последнее время, честно говоря...

– А с чем могло быть связано такое настроение Равца? – уточнил Крячко.

– Понятия не имею. Он меня в свои дела не посвящал. Мы не то чтобы не доверяли друг другу. Скорее, у нас были с ним разные интересы. Я вам честно скажу, эти современные отношения... Когда я был молод, у нас было модно любить красивеньких актрис. Каждый старался дружить с самой талантливой девушкой на курсе. Затем жениться на самой симпатичной актрисе в театре. Самая красивая, естественно, была любовницей начальства... А сейчас я, конечно, не знаю, как у вас там в органах...

– Все нормально у нас, – поспешил заверить Геннадия Афанасьевича Крячко.

– Ну вот... И я тоже жене говорю, как мне с ними общий язык найти, не знаю...

– И все же, в чем же заключались трения между вами? – Гуров докурил сигарету и потянулся к пепельнице, чтобы затушить окурок.

Реджаковский налил еще одну рюмку водки и тут же, не ставя ее на столик, выпил.

– Да он вообще мне работать не давал, если уж быть точным, – продолжил он. – Его только деньги интересовали в последнее время. Я не буду спорить. В театре действительно последнее время водились деньги. Но какого они происхождения, я не знаю. Кто-то из спонсоров ли давал... Или же сами мы зарабатывали. Я не знаю. Но то, что Юра вообще перестал считаться со мной как с художественным руководителем – это факт. Зарубил новую постановку. У него последнее время появились какие-то свои планы. Он старался заработать деньги буквально на всем. Детские спектакли приносят деньги, например, и он стал меня склонять, чтобы мы ставили больше детских спектаклей.

– Скажите, а у вас есть какие-нибудь подозрения – кому могла быть нужна смерть Равца?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.